

Фанян Нелли Юрьевна

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры французской филологии
Кубанского государственного университета

**ЭТИКА ДИСКУРСА
(АРГУМЕНТАТИВНЫЙ АСПЕКТ)**

Аннотация:

В статье позиционируется значимость аргументативного аспекта в этике дискурса в решении проблемы интерпретативного потенциала истины с точки зрения модальности. Основной вывод исследования – истина как формальный критерий замещается в дискурсе психологическим фактором, порождающим какую-либо стратегию; при этом расширяется референциальное поле философской проблемы истины как предмета этики.

Ключевые слова:

аргументация, этика, дискурс, истина, ложь, модальность, стратегия, уместность, конвенциональность, ритуальность.

Fanyan Nelly Yurievna

D.Phil. of Philology,
Professor, French Philology Department,
Kuban State University

**DISCOURSE ETHICS
(ARGUMENTATIVE ASPECT)**

Summary:

The article considers the importance of the argumentative aspect in the discourse ethics in the solution of the problem of interpretative potential of truth from the perspective of modality. The basic conclusion of the research is that the truth as a formal criterion is replaced in discourse by the psychological factor which generates some strategy; at the same time the referential field of the philosophical problem of truth is extended as a subject of ethics.

Keywords:

argumentation, ethics, discourse, truth, untruth, modality, strategy, pertinence, conventionality, rituality.

Данная статья посвящена развитию актуальной проблемы в области лингвоаргументологии в междисциплинарном ракурсе, включающем такие сферы гуманитарного знания, как философия, логика, лингвистика и др. Цель работы – раскрыть этический механизм дискурса в аргументативном аспекте. Вычленим исходный критерий, обеспечивающий баланс в парах понятий «хорошо»/«плохо», «добро»/«зло» и др. Он фигурирует в дихотомии «истина»/«ложь» – в той части, где речь идет об истине. В онтологическом смысле она инвариантна, согласно максиме «Истина одна», она абсолютна. При рассмотрении же проблемы в герменевтическом ракурсе потенциальная и реальная возможность различных интерпретаций актуализирует максимум «У каждого своя истина». В данной парадигме «истина» реализуется как «правда».

Что же касается «лжи», она толкуется аналогично, поскольку так же онтологически инвариантна. Вместе с тем интерпретационный потенциал у нее велик: семантика лжи зависит от субъектно-референциального аспекта, от личных предпочтений и компетенции homo argens («человека аргументирующего») [1]. При этом для релевантного «оформления» лжи активизируются такие свойства мышления, как фантазия и воображение, соотносимые с конкретными предметными областями. Тогда пространства «истины» и «лжи» приближаются, максимально сходятся, наконец, пересекаются. Ложь переходит в состояние «правдоподобное», а от него недалеко и до истины. При этом в данном механизме «ложь» («неправда») реферирует к «истине», эксплицируясь в различных словоформах, модальных словах, типах речевых действий, представляющих собой клише к речевым жанрам с различной степенью модализации (к примеру, «утверждение», «заверение», «клятва» и др.). Редки случаи, когда человек рассуждающий, аргументирующий говорит правду, выдавая ее за ложь (ср. с «Парадоксом лжеца»; зеркального парадокса нет, наблюдается лакуна).

Таким образом, формируя дихотомию, «истина» и «ложь» вместе с тем качественно различаются, поскольку критериально неравнозначны: истина доминантна – мы находимся в поисках истины и в философском, и в бытовом дискурсе. И согласно принципу формальной логики, обоснование истинности автоматически «работает» на устранение ложности.

В модальной логике критерий истинности актуализируется иначе: «дилемма Йоргенсена касается не только императивов, но и норм вообще: о нормах нельзя сказать, что они истинны или ложны»; «непосредственное впечатление очевидности связано не с выполнением императива, а скорее с чем-то вроде “законности” или “существования” императива, что бы эти выражения ни значили» [2, с. 301, 310]. Р. Хилпинен использует теоретико-игровую семантику Я. Хинтикки с понятием «правила выигрыша» в терминах понятия «стратегия». В процессе игры происходит корреляция между «возможными мирами» коммуникантов по значимости экзистенциальных практических следований. При этом вводится понятие корректности (уместности) (ср. satisfaction и accomplissement [3]). Данный подход позволил рассматривать деонтическую логику двояко: нет

особой логики императивов, их логические свойства полностью обусловлены «индикативным фактором» (согласно Йоргенсену); деонтическая логика – один из разделов модальной логики (нормативных утверждений) (согласно фон Вригту) [4].

Этика дискурса в аргументативном аспекте регулируется не только и не столько механизмом деонтической логики, которая в свою очередь включает в себя так называемую «логику императивов» (данная проблема может быть развита в направлении косвенных речевых действий). На наш взгляд, она актуальна и продуктивна в аксиологическом ракурсе, включающем деонтическую модальность. Деонтическая сфера доминирует в социуме. Аксиология охватывает ценности глобальные, социальные и личностные. Подобное положение вещей позволяет нам сосредоточиться на значимости не только норм (конвенциональность), но и (личных) предпочтений (неконвенциональность) в исследовании этики дискурса в аргументативном аспекте. Изучение эмпирического материала приблизит нас к поставленной цели. Обратимся к контекстуальному анализу фрагментов текстов.

Различение истины/лжи происходит в сопряженности двух полюсов, адекватная актуализация которых зависит от *аргументативных стратегий* личности. Рассмотрим контекст, в котором эксплицировано отношение (1) выбора между «хорошо» (2) / «плохо» (3):

«*Странный взгляд* (1), в нем читается вроде бы *дружеское вдумчивое выражение* (2) и в то же время сквозит *какое-то подозрение, интенсивная прикидка* (3): что, мол, весит этот человек, стоит ли его брать в заложники? В такой комбинации современный человек, конечно, *склонен принимать негативную часть впечатления за истинное* (4), *позитивную – за лицемерие*» (5) (Аксенов В.П. Экскурсия).

Аргументативные стратегии маркированы модальным словом «вроде бы» (показатель субъективной модальности) (2) и глаголом «сквозит», обеспечивающим семантическую и стилистическую сочетаемость с негативным аргументом (3). Маятниковый принцип реализует дефиницию «странный взгляд» (1) как обобщение (2) и (3). Вместе с тем во второй части анализируемого контекста мы констатируем комментарий относительно данной ситуации в этическом аспекте. Автор произведения, ссылаясь на современного человека, разворачивает его аргументативную компетенцию «наизнанку» [ср. (4) и (5)], при этом подкрепляя свои рассуждения модальным словом «конечно». Таким образом, мы получаем зеркальную реализацию «истинного» (4) и «лицемерного» (5). Данный контекст демонстрирует философское отношение к этическим проблемам с конкретной референцией на позицию современного человека, вместе с тем (и прежде всего) выражая мнение автора.

В следующем контексте реализация лжи основана на *кредите доверия*, выраженного в форме пресуппозиции доверия, основанного на стереотипных представлениях в конкретной общности:

«Мне один знакомый фельдшер говорил: соль эта самая на человека действует... значит, мол, расслабляет... Соль-то морская...

– *Врал, может быть?* – с сомнением заметил Сергей.

– *Ну, вот врал! Зачем ему врать? Человек солидный (1), непьющий... (2) домишко у него в Севастополе... (3)*» (Куприн А.И. Белый пудель).

Кредит доверия в данном случае основан на классическом «аргументе к авторитету», на совокупности аргументов, характеризующих с различных сторон человека, мнение которого принимается безоговорочно. Этический аспект реферирует к принятым в обществе стереотипным представлениям. Они выражены в серии аргументов-пресуппозиций к данному контексту: «не врут / не должны врать люди солидные» (1); «не врут / не должны врать люди непьющие» (2); «не врут / не должны врать люди с материальным достатком» (3). Ценностный аспект при этом включает в себя деонтическую компоненту.

Анализ следующего фрагмента позволяет констатировать: релевантность истины/лжи к иллюзорной реализации не исходит из формального (объектного) допущения той или иной «выдуманной истории», а формируется установкой (субъектной) того адресата, который нуждается в данной иллюзии. Соответственно, *потребность в иллюзии* ритуально есть конкретная *стратегия*, провоцирующая и способствующая реализации иллюзии и заблуждения:

«– Рассказывай! *Тоже мастер врать. Наверное, валялся у какой-нибудь.*

– *Нюничка!.. Чтобы я? О, как ты меня мало знаешь. Я скорее дам голову на отсечение, чем позволю себе подобное. <...> Господи, думаю, и я позволил себе нанести ей оскорбление. Кому-у! Ей! Единственной женщине, которую я люблю так свято, так безумно...*

– *Хорошо поешь, – вставляет польщенная, хотя все еще немного недоверчивая хозяйка. <...> [В опущенном фрагменте герой истории приводит доверчивой даме ряд «убеждающих» льстивых аргументов, что способствует реализации перлокутивного эффекта]. В это время хозяйка роется в кошельке.*

– Скажите, пожалуйста! – возражает она с кокетливой насмешкой. – Адька, вот тебе деньги, сбегай к Василь Василичу за бутылкой пива. Только скажи, чтоб свежего. Живо!» (Куприн А.И. Река жизни).

Общеизвестно, что принцип, взывающий к доверию, не «работает» при крайне подозрительном характере личности, для которой любые аргументы могут быть отброшены, даже при их очевидной истинности.

Актуализация истины/лжи в конкретном контексте, регулируемая пресуппозицией доверия, эксплицируемого в предикате «верить», фиксируется на полифонии. При этом в аргументативном процессе значима интерпретация субъективного фактора в качестве объективного: наблюдатель представляется одновременно «сторонне-включенным» в процесс наблюдателем (1), «актором» (2), далее «жертвой» (3):

«Но вы послушайте-ка, что я вам сейчас расскажу об этом цветке. Удивительная история. Расскажи мне ее другой, сторонний человек – ни за что ему не поверил бы, сказал бы: “Брешет парень, баки мне забивает, уши заговаривает”. Но в том-то и дело, что во всем, что я Вам расскажу, был я и *пристальным свидетелем* (1), и *действующим лицом* (2), и, можно сказать, *плачевной жертвой* (3)» (Куприн А.И. Ночная фиалка).

Граница между правдой/правдоподобным/ложью (враньем) регулируема в контекстуальной аргументации. Адекватная реализация лжи основана на принципе возможного регулирования степени, в которой ложь предлагается в виде правды. Процесс регулирования степени обеспечивается соответствующими индикаторами, к примеру модальными частицами, словами допущения, собственно глаголом и противительными союзами:

«... Самый лучший его номер – подводный... Но четверть часа под водой – это даже самым доверчивым пассажирам кажется враньем. Ну, две-три минуты – это еще куда ни шло, это можно, пожалуй, допустить... но пятнадцать!..» (Куприн А.И. Листригоны).

Коммуникацию невозможно измерить понятиями «удовлетворительность»/«успешность», в узком смысле приобретающими значимость лишь при активизации конкретной цели воздействия в формах убеждения либо доказательства, при отсутствии которых коммуникация манифестируется в желании общаться [5]. Повседневное рассуждение тяготеет к «соблазну» (термин из [6]). По справедливой мысли Ш. Балли, «человек не ищет истины, он ориентирован на счастье» [7].

Подведем итог. Формальная истина не релевантна ни для мысли, ни для дискурса. Дискурс являет переменчивость аргументативного механизма, расширяя референциальное поле философской проблемы истины как предмета этики, включая ритуальность. Оно формируется психологической установкой, регулируемой конвенциональным и неформальным факторами. Понятия этической сферы дискурса («истина»/«ложь», «радость»/«горе» и др.) требуют широкого контекстуального анализа. Он будет способствовать построению алгоритма составляющих (факторов), порождающих стратегии, указывающие на интерпретационный потенциал этики дискурса с точки зрения модальности.

Ссылки:

1. Фанян Н.Ю. Аргументация как лингвопрагматическая структура : дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2000. 354 с.
2. Хилпинен Р. Семантика императивов и деонтическая логика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. М., 1986. С. 300–317.
3. Vanderveken D. La théorie des actes de discours et l'analyse de la conversation // Cahiers de linguistique française. 1992. № 13.
4. Вригт Г.Х. фон. Логико-философские исследования. Избранные труды. М., 1986.
5. Une logique de la communication / P. Watzlawick & al. Paris, 1979.
6. Grize J.-B. Logique et langage. Paris, 1990.
7. Bally Ch. Le langage et la vie. Paris, 1925.

References:

- Bally, C 1925, *Le langage et la vie*, Paris.
Fanyan, NY 2000, *The argument how lingvopragmaticeskij structure*: D.Phil. thesis, Krasnodar, p. 354.
Grize, J-B 1990, *Logique et langage*, Paris.
Hilpinen, R 1986, 'Imperatives semantics and deontic logic', *Novoye v zarubezhnoy lingvistike*, vol. 18, Moscow, pp. 300-317, (in Russian).
Vanderveken, D 1992, 'La théorie des actes de discours et l'analyse de la conversation', *Cahiers de linguistique française*, no. 13.
Watzlawick, P 1979, *Une logique de la communication*, Paris.
Wright, GH fon 1986, *Logical and philosophical studies. Selected works*, Moscow(in Russian).